

Софья Могилевская

КРЕПОСТНЫЕ КОРОЛЕВНЫ

ТРИЛОГИЯ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
М 74

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

Подбор иллюстраций Людмилы Ворончихиной

Могилевская С.

М 74 Крепостные королевны : Трилогия : повести о русском театре / Софья Могилевская. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 576 с. + вкл. (16 с.) — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-28243-8

Трилогия Софьи Могилевской — это увлекательное повествование об истории русского театра XVIII–XIX веков. Героини повестей — юные девушки, для которых театральное искусство оказалось призванием. Кружевница Настя, драматический талант которой разглядел сам основатель русского театра Федор Волков. Обладательница дивного голоса, крепостная Дуня, волею судьбы оказавшаяся в театральной школе помещика Урасова. Отчаянная Санька, сбежавшая из отцовского дома и случайно попавшая на театральное представление на Арбатской площади. Встреча со сценой бесспорно изменила жизнь каждой из них.

Как сложатся судьбы трех героинь? Что ждет их в храме Мельпомены? Ведь известно, что, однажды взяв в свой плен, муза театра не отпускает до конца жизни...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

- © С. А. Могилевская (наследники), 2025
- © Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Государственный дворцово-парковый музей-заповедник «Останкино и Куское», фото, 2025
- © Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28243-8

ПОВЕСТЬ
О КРУЖЕВНИЦЕ НАСТЕ
И ВЕЛИКОМ
РУССКОМ АКТЕРЕ
ФЕДОРЕ ВОЛКОВЕ

Настя

Все, о чем здесь рассказано, произошло более двухсот лет тому назад. А именно — в 1750 году.

В те далекие времена в Ярославле жил помещик Никита Петрович Сухарев. Нельзя оказать, чтобы он был очень богат. Но был он и не беден. Имел до восьмисот душ крепостных крестьян и несколько больших и малых деревень.

Одна из его деревень называлась Обушки и находилась верстах в семидесяти от Ярославля.

Вот в этих самых Обушках, в семье крепостного Тимофея Протасова, и росла Настя. Шел ей в ту пору шестнадцатый год.

Со стороны глядеть, ничего особенного в Насте не было. Худенькая, роста невысокого. Русая коса пониже пояса, ясные темно-голубые глаза. На носу желтыми крапинками рассыпались веснушки.

Вот, пожалуй, и все приметы. Таких девушек в Обушках с десятков наберется, а то и больше.

Но все же было в Насте такое, что отличало ее от других: великой мастерицей была она рассказывать сказки и всякие истории. В длинные зимние вечера соберутся девушки прясть куделю и обязательно бегут за Настей.

Одна отворит дверь, крикнет с порога:

— Скорей, Настюшка! Все собрались, одной тебя не хватает...

— Сейчас! — весело откликнется Настя. — Вот только матушке пособилю — воды бадейку принесу.

Та убежит, другая на смену:

— Да чего ж ты мешкаешь, Настя? Заждалися! Без тебя и работа не в работу...

— Иду, иду! — крикнет Настя. — Дайте хоть платком волосы покрыть. Ишь, нетерпеливые!

А девушек и правда нетерпение одолевает: не успеет Настя порожек переступить, они ей хором:

— Про Бабу-ягу — костяную ногу...

— Нет, расскажи нынче про Илью Муромца, про богатыря бородатого...

— Не слушай их, Настя! Ведь обещалася в тот день нам про царевну Несмеяну... Вот и говори про нее...

И начнет Настя свои сказки рассказывать.

Тишина в избе. Не слышно, как лучина потрескивает, как веретена жужжат. Только Настин голос раздается.

А иной раз такое начнет рассказывать, что девушки забудут и про прядево, и что ночь наступила, что домой пора. Слушают, разинув рты. Дышать боятся, чтобы словечко Настино не упустить...

Ни одна посиделка без Настиных сказок не обходилась, так уж повелось в Обушках.

А так что ж — девушка как девушка, мимо такой пройдемь и не оглянешься.

Февральским вечером

Было это в феврале. В избу к Протасовым вошел староста. Сказал Настюшкиному отцу:

— Собирай-ка, Тимофей, свою меньшую. В Ярославль поедет. Барыня Лизавета Перфильевна приказала прислать двух девушек, какие посмышленее. Надо быть, твоя подойдет...

Мать ахнула, залилась слезами: куда ж такую махонькую из дома, да еще в Ярославль?

Однако против старосты не пойдешь. В тот же вечер Настю снарядили в дорогу. Староста сказал, что рано поутру из Обушков пойдет обоз с дровами, заодно и Настю прихватят.

Старший брат Петруша завидовал. Ишь, какое счастье Настёнке привалило — в Ярославль едет! А он из Обушков — никуда. Разве только в лес за дровами, или за клуквой на болото, или на Волгу невода ставить.

В эту ночь перед отъездом из дома Насте долго не спалось. Она все ворочалась с боку на бок, все вздыхала. Разные мысли в голове бродили.

Ярославль...

Отец был там раза два. Возвратясь, рассказывал такое, что поинтереснее всяких сказок! И про церкви ярославские красоты неописанной. И про башни кремлевские — высотой они чуть ли не до неба. Про дом барина Никиты Петровича: вот у кого палаты каменные! И никаких тебе в окнах бычьих пузырей, как у них в избе. Куда там — в каждом окне их дома стекла блестят!

И про богатые базары ярославские отец рассказывал. Все можно купить на тех базарах, была бы деньга в кармане.

Лежала Настя с открытыми глазами и будто наяву видела: идет она берегом, возле самой воды, а на горе — город. Весь розовый, жарко блестят на солнце золотые маковки церквей. А на небе не то белые облака плывут, не то белые птицы летают...

Потом наконец уснула.

Мать ее растолкала затемно. Велела поскорее собираться. Было слышно: мимо избы, скрипя полозьями, идет обоз.

Настя проворно оделась, покрыла голову платком, сунула за пазуху ломоть хлеба, завернутый в чистую тря-

пицу, и выскочила из дома. В руках у нее был узелок — мать собрала и завязала кое-что из одежки.

Впереди, в хмуром рассвете наступающего утра, виднелись тяжело груженные дровами сани. Обоз уже спускался вниз, под гору. Дорога на Ярославль шла через Волгу, а потом лесом.

Настя кинулась догонять. Знала, что из Обушков, кроме нее, едет еще Анфиска Бокова. Вот бы присоединиться на одни с ней дровни!

Пробежав немного, Настя оглянулась.

На крыльце стояла мать. Пригорюнившись, смотрела ей вслед. А у плетня, занесенного снегом, ветер сильно раскачивал знакомую ветвистую рябину и шевелил соломой на крыше ветхой избенки.

Сердце Насти сжалось вдруг неведомой ей дотолетоской, хоть не думала она и не гадала, что последний раз видит и этот плетень, занесенный снегом, и рябину у плетня, и старушку-мать, стоявшую на крыльце и глядевшую ей вслед...

Кружева

Барыня Лизавета Перфильевна любила кружева. Десять девушек-кружевниц сидели у нее в девичьей и с темна до темна плели на коклюшках и фантажные кружева, и мелкотравчатые, и брабантские, и разные другие.

Каждая плетей сидела перед подушкой, вроде круглого валика. Подушки для большей упругости и тяжести были набиты мхом. Плели кружева точенными из клена коклюшками.

К тем десяти, что уже находились в девичьей, посадили и Настю с Анфиской, двух девушек из Обушков. Приказали им, не щадя сил, учиться кружевному делу. А если

окажутся к нему неспособными, пошлют или на коровник, или воду таскать, или какую другую работу заставят делать.

Настя стала учиться у Фленушки, лучшей здешней кружевницы.

Родилась Настюшка смышленной, руки у нее были ловкие, проворные, училась она прилежно и вскоре стала выводить из ниток хитрые кружевные узоры: и заплеты, и оплеты, и репья вроде трилистников, и всякие там замысловатые черепушки.

Понемногу и с девушками дружбу свела. Не со всеми, конечно.

Вот Дуняшку, например, она сразу невзлюбила. Была эта Дуняшка рыхлая, ленивая. Работала кое-как. А глаза из заплывших жиром щелочек глядели остро, будто всех щупали и все высматривали. Приходилась она не то племянницей, не то еще какой-то родней Неониле Степановне, старшей и любимой барыниной служанке.

И хоть нерадива была Дуняшка, хоть кружева плела грубые, простые, но — вот диво дивное! — все время Дуню звали на барскую половину, и оттуда она возвращалась, хвалясь подарками. То новую ленту покажет, то нитку разноцветных бус.

Хвасталась:

— Очень понравилось матушке-барыне Лизавете Перфильевне, какие я кружева плету...

Настя втихомолку удивлялась: неужто барыня совсем ничего в работе не понимает? Дуняшку отмечает, а Фленушку вот никогда, ни разочка не похвалила.

А Настя готова была хоть целый день любоваться Фленушкиными кружевами. Вот искусница так искусница!

Фленушка брала самые тонкие нитки и из этих ниток-паутинок выводила такие узоры, что по ним хоть сказки сказывай.

Вот у нее течет речка. Течет, извивается меж высоких берегов. А берега разными травами и цветами оплетены. И ходят между травами красивые птицы-павы. Чинно идут — пава за павой, пава за павой. А по речке будто бы корабли плывут. Остроносые и паруса распустили...

И хоть бы кто-нибудь, кроме Насти, полюбовался этими кружевами, хоть бы разок самой Фленушке кто-нибудь доброе слово сказал.

Сидит она день-деньской и плетет, и плетет, и плетет. Поднимет на минутку голову, скажет что-нибудь тихое, глянет черными, как у ласточки, глазами и снова плетет, плетет, плетет...

Но однажды случилось так: в девичью вдруг пожаловала сама барыня Лизавета Перфильевна. А с нею и Неонила Степановна, ее любимая прислужница. Между собой дворовые ее барской барыней величали: уж больно много она о самой себе понимала.

Лизавета Перфильевна стала обходить девушек, рассматривала, какие кто кружева наплел.

Неонила Степановна от барыни ни на шаг.

Спрашивает барыня:

— Покажи-ка Дунину работу...

Неонила Степановна засуетилась. Подскочила к Фленушке. Заюлила, заговорила сладким голосом:

— Вот же, голубушка Лизавета Перфильевна! Вот оно, Дуняшкино плетенье! Или не признали? Гляньте, какие узоры вывела... Ну и ну!

Дуне крикнула:

— Подойди ближе, дура! Не скромничай...

А Фленушку оттолкнула к стенке: не путайся, мол, под ногами, твое дело — сторона.

Вспыхнула тут Настя. Все в ней словно перевернулось. Сразу поняла: так вот за чью работу Дуняшке похвала и награда!

И, не стерпев, сказала громко:

— А Дуняшке сроду таких не сделать... У нас одна Фленушка такие кружева плетет.

Сказала Настя и до смерти испугалась. Да как же она посмела при барыне рот открыть!

А барыня, покосившись на дерзкую девчонку, спросила:

— Откуда такая будешь?

— Обушковская она, — за Настю ответила Неонила Степановна. А сама готова была Настю глазами съесть. — Недавно сюда прислана...

— Оно и видно. Говорливая, — сказала барыня и вскоре после того ушла из девичьей.

Ночью в девичьей, лежа на полу, на постеленной для спанья дерюжке, Фленушка шептала Насте на ухо:

— Настя, Настя, что ты наделала? Глупая ты, неразумная... Кто тебя за язык тянул? Ведь издавна так водится — моя работа за Дунину идет... Неужто ты не знала?

Настя молчала и думала: почему же так должно быть — видишь неправду, а все равно не смей говорить?

И хотя в девичьей решили, что теперь Насте несдобровать и бог знает что будет ей за смелые ее слова, на этот раз, однако, дело обошлось...

Настины сказки

На другой же день после приезда из Обушков, как только посадили двух девушек учиться кружевному делу, Анфиска сказала:

— Ох, девоньки! Вы еще и знать не знаете, какие у нас сказки Настя рассказывать умеет. Вы бы попросили ее. Насть, а Настенька, не отнекивайся... Расскажи про Еруслана-королевича, а?

А Настю и просить долго не надо. Она сама любит рассказывать.

Так почти с первых дней повелось. Все работают и слушают, а Настя тоже кружево плетет и говорит, говорит.

Много она знала. Десятки сказок были у нее в голове. Откуда? Да она и сама не могла бы сказать этого. Иные от людей слыхала и запомнила. Другие старая бабка ей шептала на ночь, когда Настя была совсем маленькой. А были и такие, что она сама придумала. Пожалуй, эти, придуманные ею самой, Настя любила больше всего.

Бывало, начнет:

— В некотором царстве, в далеком государстве жил-был хороший человек. Были у него две дочки. Одна так себе — ни то ни се. Зато другая — лучше не бывает. И пригожая, и умница-разумница, и добрая душою...

И чего-чего только не нараскажет Настя. И жар-птица у нее летает, играя радужными перьями. И прекрасная царевна томится в хрустальном дворце на дне синь-моря. И злой разбойник велит снести напрочь голову молодцу, а тот возьми да самого разбойника вниз головой в колодец.

И каждый у нее говорит своим собственным голосом: Баба-яга — скрипучим, сварливым, а храбрый молодец — звонким да молодым. Медведь по-медвежьи рычит, а волк, тот совсем по-другому. Заговорит добрая сестра — слова у нее льются ласковые, певучие. А как ленивая начнет — то сразу по голосу можно понять, что и ленивая, и злая эта сестра.

Расскажет Настя одну сказку, а девушки ей и передохнуть не дадут, просят:

— Еще, Настенька! Другую...

Фленушка говорила не раз:

— Ты у нас, Настя, ровно солнышко в темнице...

И правда: с той поры, как Настя в девичьей, всем де-
вушкам веселее жить на свете. Даже работа лучше спо-
рится под Настины сказки.

Только Дуняшка нет-нет да и поворчит:

— Опять завела... — Однако слушала развеся уши
и глаза у нее горели.

Весна

А время шло.

Наступила весна.

Снег ручейками сбежал в Волгу и в реку Которость.
Грязь стала подсыхать, на припеке зазеленела трава. По-
том листья на деревьях распустились, расцвели цветы:
голубые перелески, желтая мать-и-мачеха, белая ветре-
ница.

А там пошла цвести черемуха. За ней — вишня, груша,
яблони.

Как-то Настя подняла маленькое квадратное оконце,
и вместе с душистым ветром в девичью влетел белый
яблоневый лепесток. Настя подхватила его и положила
себе на ладонь. Чуть не заплакала: вот и яблони отцве-
тают, а ей так и не пришлось поглядеть, какие они были
в эту весну.

Затосковала Настя. Не привыкла она с утра до ночи
сидеть взаперти. Доколе это будет?

Дома уж она и на Волгу слетала бы, поглядела на
нее, на широкую. Зачерпнула бы горсть воды студеной,
испробовала бы — не слаще ли стала водица нынешней
весною?

И в лесу побывала бы, послушала, как кукушка куку-
ет. Поспросила бы у нее — скоро ли, долго ли ждать ей,
Насте, пока суженого повстречает?

А ночью постояла бы на пригорке, что за деревней, поздоровалась бы с молодым месяцем: «Здравствуй, месяц — золотые рожки! Ты чего ж не смеешься, голубчик мой? Чего невесел? Или солнышку завидуешь, что оно день-деньской сияет, а тебе вот только ночка темная отведена?»

А если на недельку отпроситься в деревню? Кинуться барыне в ноги, сказать: «Отпустите меня, матушка, голубушка Лизавета Перфильевна! Уж больно я по родным местам соскучилась...» Неужто барыня не поймет, как ей хочется отца с матерью повидать?

Рассказала о своей задумке Фленушке, та руками замахала:

— Что ты, что ты... В своем ли уме? Разве можно с таким к барыне?

— Да почему ж нельзя? Худого что тут? — не понимала и допытывалась Настя.

— Худого ничего нет, а все равно нельзя, — сказала Фленушка и показала на Алену, девушку-кружевницу, чуть постарше остальных. — Вот она тоже вздумала просить барыню, чтобы ее хоть на денек отпустили в деревню. Там у нее миленький дружок остался. Стосковалась по нему. Подследила Алена, когда барыня по саду гуляет, и упала перед ней на колени. Стала молить, просить, все слезами оросила...

— Не пустила барыня? — ахнула Настя.

— Какое там... — Фленушка махнула рукой. — По щекам отхлестала, и весь разговор. Еще спасибо, что хуже не было.

Сильнее прежнего заскучала Настя. Даже сказки перестала говорить. И так-то была тоненькая, худенькая, а теперь совсем былинкой стала. Одни глаза на лице остались.

«Ах туманы вы мои, туманушки...»

В Троицын день, ради большого праздника, выпустили девушек на вольный воздух. Песни пусть споют, хороводы поведут, поиграют. Барыня любила девичьи песни послушать, на хороводы поглядеть.

Девушки сразу затеяли горелки. Стали парами друг за дружкой и запели:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло,
Глянь на небо —
Птички летят,
Колокольчики звенят!..

Водит Дуняша: ей выпало. А Настина пара — долго-вязая Анфиска, та девчонка, что вместе с ней из Обухов приехала.

Анфиска шепчет Насте на ухо:

— А давай не поддаваться, а? Все к Дуняшке подлизываются, а мы вот не станем...

Настя засмеялась:

— Я-то не поддамся, а вот как ты — не знаю!

Обе побежали: одна взяла влево, другая — направо.

На Дуняше сарафан понаряднее, чем у других. И лент у нее много. И бусы гремят на шее.

Сначала она кинулась было за Настей. Но раздумала и повернула за Анфиской.

Настя глянула через плечо: так и есть — не устояла Анфиса. Бежит все медленнее. Сейчас Дуняша ее догонит, схватит за рукав.

И уже слышны льстивые голоса, смех:

— Ай да Дунюшка! Анфиску сумела догнать...

А Насте кричат вдогонку:

— Настя, Настя, ворочайся, тебе водить!

А Настя словно и не слышит. Бежит все шибче, шибче...

Сквозь густой малинник пробралась.

Потом побежала между вишнями. Голову наклонила, чтобы платок не сбить. А косу со спины на грудь перекинула, не цеплялась бы за вишневые ветки.

Велик господский сад. Но вот и ему конец! Дальше бежать некуда. Плетень. За плетнем большак тянется. По нему, говорят, не только до самой Москвы — и в Петербург доехать можно.

Настя перевела дух. Обхватила рукой ствол рябины. Прижалась щекой к гладкой ее коре. Такая же и дома возле их избы стоит. Такая же развесистая, кудрявая, красивая.

А внизу, под обрывом, видна Волга. Зеленые у нее берега.

Настя с тоской поглядела на эти далекие заволжские берега. Ничего впереди не видно, кроме бескрайних лугов да облаков, словно застывших в густой небесной синеве. Но кажется, позорче ей глаза — и увидела бы за лугами, за дремучими лесами деревню, где мать с отцом, где изба под ветхой крышей с рябиной на дворе...

Из сада чуть доносится:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло...

Давно Настя не пела. А сейчас вдруг захотелось. Вдохнула всей грудью и тихо, для себя для одной, начала старинную волжскую песню. С детства ее знала. Слыхала от матери...

Ах туманы вы мои, туманушки,
Вы туманы мои, непроглядные.
Как печаль-тоска ненавистные!..

Встреча

А в это время из-за поворота дороги выехала запряженная парой лошадей крытая повозка. Видно, немало верст пришлось проехать путникам: кузов повозки был весь в дорожной пыли.

Вдруг ямщик, словно по чьему-то велению, осадил коней, а из повозки проворно вылез человек.

Махнув ямщику рукой, чтобы ехал дальше, человек сказал кому-то сидевшему в повозке:

— Вот так и объяснишь матушке с братьями: что, мол, захотелось пройтись и вскорости буду...

Из повозки высунулась голова старика, видимо домашнего слуги. Старик принялся ворчливо выговаривать:

— Вечно у тебя непутевое в голове, Федор Григорьевич. И чего тебе приспичило? Можно сказать, возле самого родительского порога...

Но человек лишь улыбнулся в ответ. Бросил ласково и непреклонно: «Ладно, будет тебе, Егорыч!» — и снова приказал ямщику, чтобы тот ехал дальше.

Ямщик взмахнул кнутом, лошади резво взяли с места и пошли вперед. А человек остановился на обочине дороги, что тянулась по обрывистому берегу Волги мимо того плетня, что огораживал сухаревскую усадьбу.

Человек этот был одет в щеголеватую поддевку купеческого покроя. Шапку, сдернув с головы, он держал в руке, и русые волосы его, ничем не прикрытые, волнистыми прядями падали назад, открывая высокий красивый лоб. Глаза, подбородок, чуть приметная усмешка, трогавшая губы, — все говорило о проницательном, живом уме и твердом характере. На вид ему было лет двадцать с небольшим.

Привычная картина открывалась сейчас его глазам. Справа Волга широко и привольно несла свои глубокие

воды. Впереди, возвышаясь над одноэтажными домами, виднелись золотые кресты на голубых, разукрашенных затейливой росписью и лепкой куполах ярославских церквей. Еще дальше — кремлевские башни и стены. Отсюда все ему казалось особенно нарядным, богатым и красивым. Как всегда бывает с людьми, вернувшимися после долгой отлучки, он по-новому смотрел на свой город и любовался им...

— До чего славно, до чего хорошо! — воскликнул он вполголоса.

Солнце щедро золотило все, что было перед его глазами.

Вволю наглядевшись, он медленно пошел следом за своей уехавшей вперед повозкой. А пройдя несколько шагов, вынул из кармана книгу небольшого формата, отпечатанную на желтоватой бумаге.

Теперь он уже не глядел по сторонам, а весь углубился в чтение, иногда останавливаясь лишь для того, чтобы громко, вслух прочесть отдельные стихи из книги. Затем он снова шел, на ходу читая, и снова приостанавливался, произнося где шепотом, а где и в полный голос.

— Этой трагедией весьма обрадую братьев и других ребят, — вдруг перестав читать, сказал он. И с какой-то мягкой, хорошей улыбкой прибавил: — Особенно Ваню Нарыкова. Его-то более всех других...

И тут он услышал пение. А услышав, остановился и во все перестал читать.

Женский голос, ясный и чистый, пел незнакомую ему песню. Пел так хорошо и проникновенно, с таким чувством выговаривая слова, что он, забыв о книге, что была у него в руках, стал слушать.

Не подняться вам, туманушки,
Со синя моря долой!

Не отстать тебе, кручинушка,
От ретива сердца прочь...

Он прислушивался, удивляясь выразительности и силе чувства, которую вкладывала поющая в слова песни. Неожиданно для себя свернув с дороги, он пошел к плетню, из-за которого доносилась песня, и увидел девушку.

Она была совсем юная. В неприглядном сарафане из домотканой пестряди. Худенькая, бледная, с милым и тонким лицом. Пела она негромко, не думая и не зная, что ее кто-нибудь посторонний может услышать. Закрыв глаза, она обхватила рукой прямой ствол рябины, прижавшись к нему щекой.

Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей, част-крупен дождичек,
Ты размой, размой земляну тюрьму...

Она пела, а скупые непрошенные слезы одна за другой медленно выкатывались из-под ее опущенных ресниц...

И вдруг она почувствовала взгляд, устремленный на нее. Открыла глаза и в нескольких шагах от себя увидела того, кто ее слушал.

Оборвала песню...

Сперва побледнела, потом, тихо охнув, залилась рым-янцем.

И не успел незнакомец слово вымолвить, как она кинулась от плетня и мгновенно исчезла в зеленой глубине сада...

В Москве на Красной площади

Купеческий сын Федор Григорьевич Волков возвращался из Москвы. Недавно от умершего отчима, купца Полушкина, ему с братьями достались по наследству

серно-купоросные заводы. Одни находились в самом Ярославле, другие — недалеко от Ярославля. Ведение дел требовало частых поездок в Москву. Ездил в Москву обычно Федор Григорьевич, старший из пяти братьев Волковых.

Это случилось несколько дней тому назад. Будучи в Москве, Федор Григорьевич пошел к купцу Свиягину, с которым покойный отчим вел дела. Лавка Свиягина находилась на одной из улиц, прилегавших к Китай-городу, и Федор Григорьевич отправился туда через Красную площадь.

Было раннее утро. Косые лучи солнца освещали пестрые купола Василия Блаженного, радуя глаз их неповторимой дивной красотой, и красные, под зеленой черепицей, башни Кремля, и шумную толпу, от зари до зари наполнявшую площадь.

Федор Григорьевич шел стремительно. Занятый своими мыслями, он нетерпеливо отмахивался от надоедливых сидельцев возле погребков-землянок. Те, звеня стаканчиками, наперебой предлагали ему отведать заморских вин, закусить их миндалем, изюмом.

Дороги он не выбирал, шел напрямик. В иных местах телеги с товаром сучились так тесно, что ему то и дело приходилось где перешагивать, а где и вовсе перелезать через оглобли, чтобы продолжать свой путь.

В те стародавние времена по всему пространству от Василия Блаженного до Никольских ворот, прямо под открытым небом, раскидывалось огромное многолюдное торжище.

Еще до света со всех окраин Москвы сюда тянулись телеги, полные товаров. Везли сюда изделия скобяные и кожевенные; несли лотки с пирогами и шесты с лаптями; разные чашки, да ложки, да плошки; решета с ягодами, отборные овощи.

СОФЬА АБРАМОВНА МОГИЛЕВСКАЯ
КРЕПОСТНЫЕ КОРОЛЕВНЫ
ТРИЛОГИЯ

Ответственный редактор Людмила Ворончихина
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Екатерины Мишиной
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.03.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 36,26 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-37259-01-R